

Военные зарисовки ливанской войны

Катюши

Одна Катюша, которая героиня русской военной песни, «выходила на берег крутой», другая катюша неумолимо летит на наши головы, а третья – девочка Катюша со своими братиками и сестричкой сидят в бомбоубежище. Самая молчаливая из них – Василиса, и именно она заговорила первой:

- Кто такой в нашей стране Путин?

Спросила, вероятно, под воздействием телевизора.

- Президент России.

- Так зачем же он продал арабам наши «катюши», которыми они нашу страну убивают?

У детей обе страны наши: и Россия, и Израиль, подумала я и с ответом слукавила:

- Не знаю.

- А я знаю, - коварно отозвался всезнайка-Никита. - Президенты деньгу захибают, торгуют ракетами, как жвачками.

- У них денежков больше, а у нас солдатов меньше? – умозаключительно спрашивает повзрослевшее до срока дитя.

Невыносимо слушать, о чём говорят дети целыми днями. Обняла меньшего, а в голове письмо сочиняю:

- Владимир Владимирович! Вы вывозите из Ливана русских матерей с арабскими детьми и кудахчете по всем каналам над черными глазками. А как быть нам, русским матерям, с нашими голубоглазыми еврейскими Катюшами? Арабские смертники кормят наших людей взрывчаткой, шариковыми пулями, гвоздями. Постоянные теракты уносят сотни жизней. На школьные и детсадовские дворы летят «касамы». Наши прославленные в Великой Отечественной войне «катюши» так бесславно разрушают наши мирные города. Перепуталось всё наше с вашим, а ваше с нашим. Ясно одно, тот, кто прикрывается мирными жителями Ливана, не только наш враг, он и ваш враг.

Жалостлив русский человек. Это хорошо! Жалейте ливанских детей, мы их тоже жалеем, но и за русских детей Израиля и России убойтесь.

Танк в яблоневоm саду

Раннее пробуждение природы. Тишина стоит мёртвая, то ли не проснулась ещё, то ли её уже убили. Маленькими шажками, на цыпочках крадётся утро. Ему боязно вступать в свои права. «Глаза бы мои не глядели»,- огорчённо шепчет, но идёт, понимает – людям ещё страшнее.

Солнце же, на то оно и солнце, подгоняет: «Надо ослепить, ослепить, чтоб не убили день». Лучи, как прожекторы, поползли и засияли в яблоневоm саду. В нём всегда был праздник! Вот они по привычке и лученулись туда, забыв, о чём солнце просило. Теперь бегают, жизнерадостные кретины, бегают, а сада найти не могут.

Только подорванный танк, кровь по земле, и яблоки...

Разговор бабушки с внучкой

- Василисушка, почему у тебя такой печальный голосок?
- Так.
- Так не бывает.
- На войне бывает.
- Ты не думай об этом.
- Я бы не думала, да Настя меня волнует.
- Чем?
- Войной.

День следующий

- Бабуль, что ты делаешь?
 - Вам звоню.
 - Всем?
 - Всем.
 - Целый день?
 - Целый день.
 - По очереди?
 - Как придётся.
 - Надо попросить папу, чтобы он нас к тебе всех сразу подсоединил.
- И ты тогда не будешь войны бояться

Справедливая реплика

- Италия и Турция поддерживают бандитов. Это так несправедливо. Мне скоро двенадцать лет исполнится, а тут эта война, умирать надо.

Кровь и грязь

С экрана русскоязычного телевидения комментатор шепелявит о военных сводках. И не просто шепелявит, а машет рукой, как картонной сабелькой: на военных, на правительство, на врага, на друга. А одет-то, а одет – даже с экрана духами шибает. «Неужели кому-то нравится такой пиар в кровавые времена?»- недоумевают многие, глядя на холёную фигуру во весь экран.

В то же время. Звонок в студию:

- Вы такой умный, такой элегантный! Вы умеете так красиво одеваться!- старческий голос взволнованно торопится, хочет, как можно больше сказать комплементов в отведённое ей время эфира.

Хорошо хозяйке этого «голоса».

Для неё нет войны, видимо, уже впала в детство. А настоящее детство страны переживает самый большой страх, страх смерти.

- Мы прервёмся на небольшую рекламную паузу.

«Презентация моей книги состоится в городах: Тель-Авиве, Хайфе (эпицентре-то войны). Приходите, поговорим, поспорим,- тот же голос, а из города вывезены все, кого могли вывезти из-под бомб.

- Сегодня погибли резервисты, не успевшие доехать до передовой. Попали в засаду.

Горе. Кровь. Слезы. Следом опять реклама для тех, кто погиб; для тех, чьи сыновья погибли; для тех, кто от боли потерял ощущение времени:

«Хумус – сытное лакомство на завтрак, обед, ужин. Покупайте и ешьте на здоровье»,- что тут скажешь. Комментарии излишни. Грязь, она и есть грязь!

- Собака, которая гуляет под домом, что бы это значило?

- А то и значило, что наверху война.

Мать не бросит

Каждый вспоминал своих далёких и близких людей, чтобы пригласить, чтобы вывезти из-под огня, спасти. Вспомнил и он:

- Боже мой! Там же подруга моей умершей жены. Она единственная осталась. Я должен её забрать, я просто обязан, я не прощу себе...

Поспешно находит в телефонном справочнике номер телефона, записанный рукой жены. Набирает.

- Фаина, я так рад тебя слышать!

- И я рада. Как ты там один с горем справляешься?

- Справляюсь. Я звоню узнать, у тебя в доме бомбоубежище есть?

- Нет.

- А у сына?

- У них в квартире оно.

- Так почему они тебя не забрали?

- У них квартирка маленькая.

- Какая там квартирка, тебе бомбы на голову летят. Вызови такси, палочку в руки и спускайся. Приедешь ко мне, я тут оплачу дорогу. Только уезжай.

- Не могу сына бросить.

- Так он же в другом конце города?

- Ну и что ж. Мне спокойнее, что он недалеко, рядом.

Помните, что говорило сердце, вырванное из груди матери?

«Не ушибся ли ты, сынок»

«Где ж вы, где ж вы, очи карие»

Крутится эта строчка из песни в моём испуганном мозгу, помощи хочется, помощи. Почему один на один? Почему нет поддержки? И следом накат злобы, перекрывающей горло.

Русскоязычное еврейство Израиля млеет от гордости за своих русских евреев, особенно за артистов. В летний сезон (в летний и мирный) их тут пруд пруди: поют, купаются, загорают, а как начинаются бомбёжки, линяют все в свои родины, не увидишь.

Израиль распинают, а они, как не слышат, и про священные могилы своих родственников на Святой Земле на время забывают. Что-то там в своих мирах «вяжут и распускают», делая вид, что очень занятые или оглохшие.

Идёт эвакуация детей – пригласите по одному ребёнку к себе, встретьте самолёт «Эль-ляль» в полном составе, чтобы все увидели, какая армия поддержки есть у Израиля. Бойтесь громко? Генный страх мешает? Так я вам предлагаю: возьмите тихо по одному ребёнку, на время. Пусть детки у вас отойдут от бомбоубежищ, перестанут вжимать головки в плечики.

Ан, нет! Выкуси! Своя задница дороже. Храни, Господь, солдатиков наших израильских, храни, Господь, солдатиков наших русских в израильской армии. За них нам никогда не стыдно.

На русскоговорящие приبلудные гастроли, спектакли больше не хожу – война во всём виновата: на одно закрывает глаза, на другое открывает.

Военные зарисовки или «Литой свинец»

Город моей любви

В город последнего десятилетнего жительства я всегда возвращаюсь в приподнятом настроении, потому что он город солнца. Без помпезности зодчества, без производственных отходов, без элитного снобизма. Море-центр жизни города. Цветущие аллеи – чистый воздух и глаз услада.

Город мой встречал меня своим вечным цветением, морскими нежными шлепками волн о босые ноги, бегающим по аллее восторженным детством, распахнутыми тёплыми объятьями друзей.

Сегодня не бегут по аллее дети, не слышно рвущейся из окон музыки, говорливые по-восточному женщины разучились говорить, природа, «причёсанная» вечным цветением, стоит растрёпанной и притихшей. Тревога имеет своё лицо. Сердце сжимается жалостью к городу, как к больному, беспомощному ребёнку.

На детской площадке обиженно повисли разорванные снарядом качели, обессилено болтаются цепи, предназначенные когда-то своей металлической силой охранять жизнь ребёнка. В затылок городу дышит враг. Полиция, которая в мирные дни воспринимается карательным органом, в раз стала другом. Раньше мы как бы защищались от неё, теперь она помогает нам защищаться от врагов. Породнились.

Отведи, Господи, чёрную напасть из нашего города и из не нашего тоже.

Ашкелон март 2008г.

Итоги палестинских обстрелов

Гражданский самолёт, пролетая над нашим городом, набирает высоту и скорость для дальнего полёта в другие страны.

Дети детского сада, слыша гул, зажимают уши, бегут к воспитательнице и жмутся к её ногам. Она отвлекает, забавляет, а сердце плачет.

В школах в это время...Младшие юркают под парты и закрывают глаза, учительница - с ними вместе, быстро затевает игру. Так играючи и выводит их оттуда. Смотрит на них, приветливо улыбаясь, а сердце плачет.

Старшие ученики, кажется, не реагируют на звук самолёта, но это внешнее, а внутреннее - в их сгруппировавшихся телах, напряжённых глазах. Учительница на такой случай говорит не об учебном материале, а кидает умную шутку, которую ученики подхватывают и начинают балаганить, она строжась успокаивает, а сердце плачет, глядя на учеников, - за восемь лет «мирных» бомбёжек они успели вырасти.

Ашкелон
2009г.

Пальмы, стоящие под балконом на цветущей аллее, умеют общаться с людьми, ну, со мной это уж точно, иначе, как бы я знала, какое сейчас время года. Нюхнуть погоду то некогда, то нельзя, а в вечном цветении не поймёшь, что там за окном квартиры.

Висят метёлки цветов на великанах-пальмах – весна пришла, чуть погода, уже несмелые плоды завязались, ещё чуть и дутыши жёлтого цвета щемятся на ветке, солнышку бока подставляют.

Лето. В зависшей тишине осени слышно, как шлёпают под ноги плоды – поспели, и когда только успели. Отрожавшие красавицы приготовились встречать ливневую зиму.

Шумят, шумят кроны, умытые дождём, в окошко машут. Красота!

Ты видишь, Господи

Сумерки медленно густеют, и в этой серой густоте цепочкой движутся солдаты. Мы видим их спины с тяжёлым снаряжением за плечами. Потом появляется какое-то призрачное желтовато-белёсое освещение, и очертания людей превращаются в светящихся светлячков, словно, они переступили грань между миром и войной.

У русских, глядя на это передвижение, всплывают слова песни Великой Отечественной: «Наши мальчики головы подняли, повзрослели они до поры... Мальчики, мальчики, постарайтесь вернуться назад», и песня эта становится напутственным заклинанием. (Окуджава написал её на все времена и для всех народов).

Матери и отцы окаменели в физической неподвижности у экранов телевизоров. Только сердца стучат, стучат, замирая, а губы шепчут молитвы, направленные к единственному защитнику их детей, к Господу Богу, выискивая всё новые и новые слова обращения.

Через сон раннего утра в прифронтовом городе тяжёлым гулом проплывает военный самолёт, волоча гружёное смертью брюхо на их сторону. Шевелится жалость ко всем сразу: к ним, к нам, и ты лежишь в обнимку с этой

жалостью, но недолго...Дальше, ни спать, ни думать о справедливости бытия, нет времени.

Сирена предупреждающей тревоги врывается в жизнь внезапным выстрелом, и воет изматывающе и пронзительно. «Господи! Береги детей!»- успеваает мозг из разорвавшего сна метнуться к Богу. Выбух «катюши», дрожь разорванной в лохмотья земли, момент обвисшей тишины, и несутся сирены скорой помощи и полиции. Опять к тебе, Единый Спаситель: «Помоги пострадавшим!» Рука тянется к телефону.

Новый день, резвый своей ранней молодостью, радостно бегаёт по аллеям, паркам, пустынным улицам и заманивает: выходите. Смешной, он не знает, что даже через окно нельзя долго на него смотреть, взорвавшийся «град» осыпает смертельным градом шариков и металла все дома, близлежащие с эпицентром. Только уходя в вечер, день поймёт весь ужас происходящего – из резвой радости его сделали днём страданий и слёз.

Ночь рвут всё те же сирены, землю шматуют всё те же снаряды, и ты уже в своём спасательном бункере не понимаешь куда бежать, и, засыпая в этой непонятке, видишь всё ту же войну, только перемешанную с мирной жизнью из прошлого, и ночные бомбёжки воспринимаешь громом небесным.

Мир настанет, вечно войне не бывать. Утешимся, и будем терпеливо ждать. И мальчики наши вернуться назад с победой, так как победа там, где есть правда. Ты видишь, Господи, как устали твои чада от постоянных обстрелов мирных городов, и как я хочу увидеть, обнять своих детей, забункеренных в своём доме соседнего района в такой Светлый День Рождества Христова на Святой Земле.

День Святой Троицы на сибирской земле выпрыгивает сам по себе.

Горит тайга. Мать-волчица уводит своих близнецов от пожара, только куда не кинется, везде огонь, дым, гарь. Подпихала их под своё брюхо, прикрыла собой, прислушалась и решительно встала. По её стремительно сгруппировавшемуся телу было видно, что она принимает какое-то решение. Затихнет на секунду, и в этом затишьи мотнёт пару раз головой, как, сомневаясь или не соглашаясь в чём-то сама с собой, и опять затихнет. Уши улавливают человеческие крики, а если так, значит, в той стороне есть жизнь.

Последыш, который родился вторым, очень слабенький, ему не хватает силёнок вдохнуть и выдохнуть, а первый из сочувствия лижет лежащего брата, подбадривает тихим скулением. Мать отстраняет его и носом подталкивает к чуть заметной в траве тропинке, словно говорит: «Уходи!» Сама берёт второго в зубы идёт следом за ним. Волчата в ползунковом возрасте, ей приходится нести, подталкивать, подрыкивать, лизать, шлёпать,

но желаемой цели она достигла – они вырвались из плена огня, но дышать по-прежнему нечем.

Кругом машины, вода, мешки песка, сложенные в горы и рвы, широкие и глубокие, бульдозеры постарались. Налицо все меры предосторожности, чтобы не впустить беду в близлежащие деревни. Среди этого всего - суетящиеся люди, которым дела нет до волчицы, перелезающей и преодолевающей преграды со своими щенками.

Благополучно добравшись до реденьких кустов у просёлочной дороги, она упала в изнеможении. Детки прилепились к соскам, жадно потягали полупустые и полезли по матери, цепляясь, падая, кусаясь. Странно было, что она их не шлёпала и не рычала, а ведь за подобные шалости всегда наказывала.

Накувыркнувшись на маме, они выкатились на дорогу. Мотоциклист на скорости чуть не вылетел с сиденья, так неожиданно было появление зверьков у его колёс. Удивления «откуда они» не было, потому что во время бедствия спастись хотят все. Он поднял одного, погладил, опустил на землю. Взял другого, слабенького почувствовали его руки, даже попытался покачать, как ребёнка. Опустил рядом с первым, посокрушался, жалея, присел на корточки и обомлел от смертного испуга – он увидел в кустах оскал зубов волчицы, который красноречиво угрожал человеку: «Не смей!» Но после этого не последовало стремительного броска, не было и угрожающего рыка.

Тело волчицы напряглось, задрожало, как от лютой ненависти или страха, она задрала морду и так жалобно завывала, как кого-то оплакивала или прощалась с кем-то, потом медленно, по-старушечьи, поднялась, развернулась и, путая ногами, ушла в сторону пожара.

Одервенелые ноги мотоциклиста ещё какое-то время держали его в той же позе, потом он плюхнулся задом в дорожную пыль и пытался понять произошедшее с ним, но его новые знакомые не дали долго раздумывать: тычутся, покусывают, объясняя, что они хотят есть.

Выгоревшая тайга чёрными свечками обуглившихся деревьев траурно молчит. Небо плачет запоздалым дождём и смотрит в остекляненные глаза навеки успокоившейся волчицы.

А её «мальчики» бегают с собаками по деревенской улице.

И опять Святая Земля. Машина военной скорой помощи привезла раненых солдат с поля боя и роженицу-арабку, которой уже не важно на её святой

мусульманской земле или на иудейской родится ребёнок, главное, чтобы жизнь его была спасена, чтобы он увидел свет твой, Господи.

Ашкелон 2009

Май. 2008год.

В воскресный день пробуждение простучал своим клювиком молоденький дятел, усевшийся на таком же молоденьком деревце, как сам.

Сонное утро не жило засонь, а мы с Натиком уже катили свой возок к игровой площадке. Качели - карусели лениво приняли первого посетителя, он ещё был лениво ходячь. Вот и нырнул скорее в зацепоченную качельку, чтоб не выпасть. Дятел на соседнем дереве постучит, посмотрит, постучит, прислушается, оглядится.

А вокруг кроме нас троих - никого. И два дома, выщербленные снарядом в утро прошлого воскресения. И срезанные взрывом пальмы. И ошкуренный кусок земли, на который так бережно укладывали траву...

Нет, не трое, есть ещё кто-то.

Пять дней в городе военная ситуация. Неизведанное до селе чувство опасности сжалось внутри, а старые материнские крылья, наоборот, расправились. Умом понимаешь, как мала защита твоих крыльев, душой же лепишься трухлявой защитницей к детям.

Естественно воспринимается война местными жителями, они в ней рождаются, живут и умирают.

Пересаженное из Сибири дерево сообразить не может, как в песке жить, как воду не пить, как вместо снега, «град»? В этом месте сразу - слёзы и обида на страну свою матушку, разбросавшую детей по чужим землям, как щенят бездомных разбрасывают по кустам.

От родной «Катюши» не хотелось бы смерть принять. Одно утешение - на Святой земле живём, путями Иисуса Христа нашего ходим.

Кто-то только что научился ходить, в «футбол» играть, качаться на качелях. Утром качели на воздух взлетели. Не поиграешь и не потопаешь, в окно тоже не помотришь.

А на улице пришла весна! Солнечные лучи старательно пробираются в комнаты, вопросительно ищут: «Где вы? Я тут!»

Ты-то здесь, Светило Господне, да мы к тебе выйти не можем.

Утро Йом-Кипура

Такая городская тишина бывает только один раз в году и в одном отдельном государстве - Израиль. Пение птиц – это самое громкое, что можно услышать в такое утро. Машины стоят, как все в раз обезбинзинились, редко вышедшие в улицу женщины, как будто всё своё выкричали до этого дня, а идущие в синагоги белоснежно одетые мужчины не шаркают подошвами ног и шнурки не забыли завязать.

Тихо.

Мы с непоседой-внуком вышли на баскетбольную площадку, рядом на детской – мама с пятью детьми: один другого качают, она сидит на парапете, смотрит и тишину утра стережёт.

Прошло время. Пришли навыки хождения.

Трёхлетний Натан согласен бросать теннисный мяч в баскетбольную корзину для взрослых до тех пор, пока не забросит. Минут пятнадцать успеха не было. Сопит и бросает, сопит и бросает. Упорство – позавидуешь.

Потом, видать, разогрелся, пошли мячи один за другим. В минуты нашей с ним тихой радости, он наклонился за мячом и говорит, как спрашивает, ни к кому не обращаясь: «А если начнётся война?» По окаменевшему моему телу пробежались «мурашки». Три года?! Бомбёжки слышал в два с половиной?! В доме о войне не говорят?! Что это было?

Речь идёт не о нарушенной психике от бомбёжек, не о запрятанном глубоко детском страхе, а о взрослой душе маленького человечка. Он почувствовал скорбную тишину дня и вспомнил ту тишину, из вымершего днём города войны. И прозвучал этот страшный вопрос.

- Она не начнётся, родной, - ответила я дрожащим голосом.- А если начнётся, мы спрячемся в бетакон. Солдаты наши выйдут и нас защитят.

Говорю, а он, не отвлекаясь, как и на вопрос не отвлёкся, бросает и бросает в корзину. За час забросил двадцать мячей.

Ему не нужен был мой ответ. Он вёл себя так, как будто сам об этом всё знает.

Не ловите, родители, в силки своих дел, суеты и прочего, приказами и окриками, душевные думы ваших детей. Только Господу постижима их глубина.

Три года?! Ему - всего три года.

- Храни вас Господь, мальчики!- говорю двум солдатам, бегущим в сторону части и разговаривающим на русском языке – русговоры.

- И вас!- от неожиданности разом выбросили они ответ и, чуть опомнившись, крикнули на ходу. - Берегите себя, мать, сюда не гуляйте.